

В. Т. Георгіевскій.

СЕРГѢЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ РАЧИНСКІЙ.

(Поборникъ народнаго просвѣщенія. — Другъ крестьянскихъ дѣтей).

1902 — 2-го мая — 1912.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ — 1912.

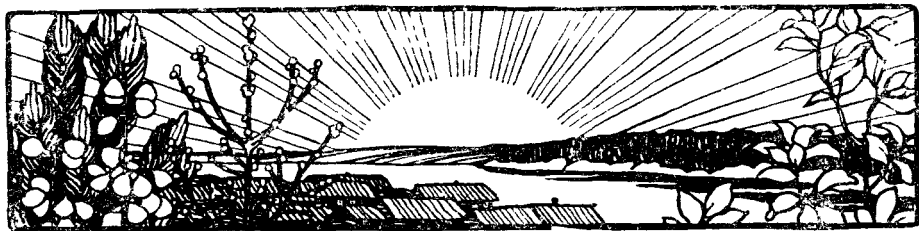
Безплатное приложеніе къ журналу «НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»,
за май—іюнь, 1912.

Электронный вариант книги
выполнен в Перервинской
духовной семинарии

www.pds.orthodoxy.ru

Москва
2004

С. А. РАЧИНСКИЙ.

(Поборникъ народнаго просвѣщенія. — Другъ крестьянскихъ дѣтей).

1902 — 2-го мая — 1912.

I.

Дѣтскіе и юношескіе годы С. А. Рачинскаго. — Профессорство въ Московскомъ Университетѣ. — Рѣшеніе посвятить свою жизнь просвѣщенію простаго народа.

Сергѣй Александровичъ Рачинскій родился 2-го мая 1833 года въ дворянской семьѣ, владѣвшей хорошо устроеннымъ имѣніемъ въ с. Татевѣ Бѣльскаго уѣзда Смоленской губ.

На складъ характера Рачинскаго имѣла большое вліяніе мать его Варвара Абрамовна, родная сестра поэта Е. А. Баратынскаго, современника Пушкина, передавшая сыну высокія умственныя дарованія, горячо чувствующее сердце, склонность ко всему изящному, художественному и глубокомъ религиозномъ чувствѣ. С. А. Рачинскій получилъ самое тщательное воспитаніе. Желая дать ему хорошую подготовку къ университету, родители С. А. поселились на-время въ Дерптѣ (Юрьевѣ), славившемся тогда хорошими учителями и профессорами, и здѣсь мальчикъ прекрасно изучилъ иностранныя и классическіе языки и подготовился къ поступленію въ высшую школу. Въ то время первое мѣсто и по научнымъ силамъ, и по многолюдству занималъ Московскій университетъ, и юноша Рачинскій, успѣшно выдержавъ пріемный экзаменъ въ Московскомъ университетѣ, записался сначала на медицинскій факультетъ, а затѣмъ перешелъ на естественное отдѣленіе, такъ какъ всегда чувствовалъ влеченіе къ изученію силъ и тайнъ природы.

Москва произвела сильное впечатлѣніе на молодого Рачинскаго своими святынями и древностями. С. А. не разъ вспоминалъ свои пер-

вые дни пребыванія въ древне-русской столицѣ, и въ особенности для него памятенъ былъ день Св. Троицы, когда онъ зашелъ въ церковь Успенія на Покровкѣ, убранную зеленью, цвѣтами, березками и былъ пораженъ ея красотой. Занятія въ университетѣ сильно увлекали его и скоро опредѣлилось его призваніе: онъ полюбилъ въ особенности ботанику и сталъ готовиться къ магистерскому экзамену. Окончивъ Московскій университетъ, для наилучшей подготовки онъ отправился на два года за границу къ знаменитымъ тогда ученымъ ботаникамъ—Шахту и Шлейдену и выслушалъ у нихъ курсы лекцій въ Берлинскомъ и Іенскомъ университетахъ. Страстный любитель музыки, въ Веймарѣ С. А. сблизился съ знаменитымъ композиторомъ и піанистомъ Листомъ, а также съ выдающимися людьми того времени—съ нѣмецкимъ писателемъ П. Гейзе и друг. Живой, общительный, широко образованный и явно талантливый юноша Рачинскій пользовался уваженіемъ и симпатіями какъ профессоровъ, такъ и сотоварищей студентовъ. Извѣстный историкъ философіи Куно Фишеръ уговаривалъ Рачинскаго посвятить себя философіи, такъ какъ замѣтилъ въ немъ глубокой умъ и философскій складъ мышленія. Прекрасно владѣя нѣмецкимъ языкомъ, С. А. Рачинскій сочинялъ веселыя нѣмецкія пѣсенки, которыя нравились студентамъ, и тѣ распѣвали ихъ во время своихъ студенческихъ пирушекъ. Тогда же онъ перевелъ на нѣмецкій языкъ «Семейную хронику» С. Аксакова, возбуждившую большой интересъ въ нѣмецкомъ обществѣ. Возвратившись въ Москву, С. А. написалъ два ученыхъ сочиненія по ботаникѣ и, получивъ за нихъ ученую степень магистра, а затѣмъ и доктора ботаники, приглашенъ былъ занять профессорскую кафедру ботаники въ родномъ ему Московскомъ университетѣ и принялъ близкое участіе въ качествѣ неофициальнаго редактора въ журналѣ «Русскій Вѣстникъ» вмѣстѣ съ М. Н. Катковымъ. С. А. скоро занялъ выдающееся положеніе въ Московскомъ образованномъ обществѣ и приобрѣлъ общую любовь, какъ у сослуживцевъ профессоровъ (между прочимъ и у К. П. Побѣдоносцева, бывшаго въ то время профессоромъ Московскаго университета), такъ и у студентовъ. Въ его квартирѣ бывали всѣ выдающіеся люди того времени: литераторы, ученые и между ними Л. Толстой,¹ Хомяковъ, Тютчевъ, Аксаковъ и друг.

Но кипучая научная и общественная дѣятельность С. А., слава и почетная извѣстность, которыя окружали его въ Московскомъ университетѣ, скоро перестали удовлетворять его: чего-то другого искала его живая и глубоко чувствующая душа. И онъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ тревожныхъ исканій, которыми охвачены были въ то время наиболѣе нравственно-чуткіе люди, рѣшилъ оставить и эту славу, и столичный

¹ Гр. Л. Толстой не разрывалъ знакомства и дружбы съ С. А. Рачинскимъ и впослѣдствіи и въ первые годы дѣятельности его въ Татевѣ не разъ писалъ ему, «завидуя» его успѣхамъ.

шумъ и, подобно древне-русскимъ подвижникамъ, удалиться въ глухую заброшенную бѣдную деревню и тамъ послужить меньшимъ братьямъ своимъ, простому народу, лишенному вовсе просвѣщенія и даже грамотности. Воспользовавшись разногласіями профессоровъ въ Московскомъ университетѣ, бывшими въ 1868 г., онъ вышелъ въ отставку и скоро удалился въ родное Татевъ. Здѣсь въ это время жили его мать и се-

Сергѣй Александровичъ Рачинскій.

Родился 2 мая 1833 года; скончался 2 мая 1902 года.

стра—Варвара Александровна. Последняя принимала довольно близкое участіе въ мѣстной сельской школѣ, помогая учительницѣ въ обученіи дѣтей грамотѣ. Сергѣй Александровичъ также рѣшилъ придти имъ на помощь и скоро увидѣлъ, что здѣсь онъ найдетъ разрѣшеніе всѣхъ мучившихъ его исканій и истинное свое призваніе. Онъ безповоротно рѣшилъ всего себя посвятить школѣ и отдать всѣ свои знанія, все свое время на служеніе школьнымъ дѣтямъ.

Построивъ новое обширное зданіе для школы, С. А. учредилъ здѣсь на свои средства общежитіе для учениковъ изъ дальнихъ деревень и въ 1875 г. самъ поселился вмѣстѣ съ крестьянскими мальчиками, занявъ двѣ маленькихъ комнатки при школѣ, служившихъ ему и кабинетомъ и спальней.

И вотъ, получившій почетную извѣстность профессоръ Московскаго университета, европейскій ученый, широко образованный, привлекавшій всѣхъ своими выдающимися дарованіями и обаятельными качествами своего ума и сердца, добровольно оставляетъ всѣ преимущества своего положенія и добровольно принимаетъ на себя трудныя обязанности безвѣстнаго сельскаго учителя. Мало того, желая жить одной жизнью съ своими учениками, онъ всецѣло раздѣляетъ ихъ образъ жизни, довольствуется простой крестьянской пищей, которую приготавливала на всю школьную «артель» простая баба стряпуха, одѣвается въ самое скромное платье, отличающееся только бѣльшею чистотою.

И въ этихъ трудахъ проходитъ вся остальная жизнь его,—болѣе четверти вѣка трудится онъ, воспитывая цѣлыя поколѣнія крестьянскихъ дѣтей—«отроковъ», какъ онъ любилъ называть ихъ, выводя ихъ «въ люди» и создавая «новое племя людей», какъ отзывались многіе почитатели С. А. объ его воспитанникахъ, счастливо выдававшихся своими талантами, своими высокими душевными качествами, своимъ подвижничествомъ на пользу народнаго просвѣщенія. Своими наблюденіями надъ школой, надъ крестьянскими мальчиками, своими драгоценными школьными опытами С. А. въ теченіе всей своей просвѣтительной дѣятельности дѣлится съ обществомъ, выпуская время отъ времени въ журналахъ и газетахъ статью за статьей по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ народнаго просвѣщенія, которыя затѣмъ собраны были въ одну книгу и изданы подъ общимъ названіемъ «Сельская школа». Книга эта выдержала уже 6 изданій и оказала громадное вліяніе на всю постановку начальнаго народнаго образованія, давъ драгоценныя руководственныя указанія для всѣхъ школьныхъ дѣятелей, работавшихъ въ послѣднюю четверть вѣка надъ организаціей начальныхъ школъ. Въ особенности много обязаны были ему школы церковно-приходскія, видѣвшія въ Татевѣ образецъ для себя. Многія мысли С. А. еще до сихъ поръ далеко не получили своего полнаго осуществленія.

II.

Чему и какъ училъ крестьянскихъ дѣтей С. А. Рачинскій?—Въ чемъ состоитъ главная его заслуга для народнаго просвѣщенія?

До С. А. Рачинскаго было немало искреннихъ и усердныхъ ревнителей народнаго образованія, много потрудившихся и словомъ, и дѣломъ для наилучшей постановки русской народной школы. Достаточно вспомнить русскихъ педагоговъ—Н. И. Пирогова, К. Д. Ушинскаго и друг.

Но С. А. Рачинскому удалось впервые полнѣе, ярче, нагляднѣе и убѣдительнѣе всѣхъ показать, чего ищетъ народъ въ школѣ и что должна дать русскому народу сельская начальная школа, на что должны обратить вниманіе въ школѣ прежде всего народные просвѣтителы, если они хотятъ удовлетворить запросамъ народной души.

Близко стоя къ народу, многіе годы живя одною жизнію съ крестьянскими дѣтьми, С. А. Рачинскій хорошо изучилъ народную душу, съ ея возвышенными стремленіями, и вынесъ глубокое убѣжденіе, что «русскій народъ подъ грубой внѣшностью скрываетъ огромное богатство духовныхъ силъ, которыя дремлютъ и которыя школа должна разбудить»... «Въ душѣ русскаго человѣка, говоритъ онъ, ярко пылаетъ пламя сердечной искренней вѣры въ Бога». «Жизнь для Бога», «жизнь по Закону Божию», «отверженіе себя», подвижническая жизнь, «жизнь въ монастырѣ»— вотъ лучшія мечты и желанія большинства крестьянъ и крестьянскихъ мальчиковъ, попавшихъ въ школу С. А. Рачинскаго и дававшихъ отвѣты на его вопросы, чему хотятъ они научиться въ школѣ и чего хотятъ они добиться въ жизни.

Отсюда долгъ каждаго истиннаго просвѣтителя народа воспользоваться этими сокровищами русской души, развить въ учащихся глубокое религиозное чувство, поднять, облагородить ихъ, сдѣлать изъ нихъ прежде всего «православныхъ христіанъ», любящихъ св. Церковь, ея богослуженіе, ея заветы, такъ, какъ любили все это наши предки, строго согласовавшіе свою жизнь общественную, семейную, домашнюю съ порядками и законами церковными. Самъ глубоковѣрующій христіанинъ и православный, онъ понялъ то, что требуется русскому народу и первый изъ нашихъ просвѣтителей-педагоговъ призналъ, что истиннымъ свѣтомъ для нашего «простого» народа всегда былъ, есть и будетъ *свѣтъ Христова ученія*, который единственно можетъ озарить трудовой путь жизни русскаго крестьянина и дать возможность удовлетворить всегдашнее стремленіе, присущее чистой душѣ нашего смиреннаго крестьянства,—«жить въ Богѣ и для Бога». А для этого не нужно отрывать его отъ среды, въ которой онъ родился и выросъ, а внести въ эту среду то, что заставило бы его еще болѣе полюбить и свою родную обстановку, и трудъ, и свою родную землю-кормилицу,—и что могло бы вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворить его жажду истиннаго просвѣщенія. Словомъ,—просвѣщеніе народное должно происходить въ духѣ христіанства и подѣ постояннымъ благодатнымъ воздѣйствіемъ св. православной Церкви, носительницы христіанскаго духа. «Такого образованія и воспитанія не получалъ еще ни одинъ народъ міра»,—пишетъ С. А. Рачинскій въ одной изъ своихъ педагогическихъ статей. «Пусть получить его народъ русскій, который долженъ сказать свое жизненное слово прочимъ народамъ Востока и Запада, ждущимъ новаго откровенія, и, безъ сомнѣнія, онъ скажетъ его,

если просвѣщеніе русскаго народа произойдетъ въ строго-христіанско-церковномъ духѣ». ¹

Поставивъ главной задачей въ народной школѣ заботу *о воспитаніи дѣтей* въ христіанско-церковномъ духѣ, съ тѣмъ, чтобы школа народная была «школой добрыхъ нравовъ», С. А. Рачинскій постарался программу школьнаго обученія поставить такъ, чтобы въ школѣ прежде всего достигалась эта первая главная цѣль, а затѣмъ уже школа должна была удовлетворять тѣ нужды народнаго быта и тѣ запросы, какіе народъ самъ предъявляетъ къ школѣ. Онъ почтительно отнесся къ тѣмъ народнымъ взглядамъ на школу и ея задачи, какія давно исторически сложились у народа. Народъ самъ смотритъ на грамотность прежде всего, какъ на ключъ къ уразумѣнію всего «божественнаго»: поэтому изученіе Закона Божія, чтеніе избранныхъ книгъ Свящ. Писанія, Евангелія, Псалтири, Часослова и друг. богослужебныхъ книгъ и должно быть поставлено на первомъ мѣстѣ въ школьной программѣ.

Въ виду этого важнаго значенія Закона Божія, преподаваніе его должно быть ввѣрено священнику, какъ пастырю, какъ духовному отцу школьныхъ дѣтей, имѣющему особыя пастырскія полномочія, который долженъ заботиться о томъ, чтобы уроки эти не носили характера сухого учебнаго предмета, а велись бы въ видѣ простыхъ сердечныхъ живыхъ душевныхъ бесѣдъ съ дѣтьми о предметахъ вѣры и нравственности, могущихъ оказывать особое благотворное дѣйствіе на сердце и волю учащагося.)

Тѣсную связь съ преподаваніемъ Закона Божія въ школѣ, по мнѣнію С. А., имѣетъ обученіе церковно-славянскому чтенію. Церковно-славянскій языкъ—это языкъ Церкви, языкъ нашихъ молитвъ, языкъ священный, и сообщить навыкъ и умѣнье правильно, толково читать церковно-славянскія книги составляетъ также долгъ начальной школы. Нужно, чтобы церковно-славянскій языкъ, какъ языкъ Церкви, былъ понятенъ народу.

На ряду съ этимъ выясняется важность преподаванія въ народной школѣ церковнаго пѣнія, пользующагося особой любовью русскаго народа, и въ то же время, какъ «такого предмета, о результатахъ преподаванія котораго могутъ непосредственно судить и безграмотные родители учащихся, такъ какъ обученіе церковному пѣнію получаетъ немедленно практическое приложеніе, возвышая красоту и торжественность церковной службы». ² Церковное пѣніе и церковно-славянское чтеніе въ Татевской школѣ С. А. стояло очень высоко, и хоръ учениковъ его былъ образцовый: церковное пѣніе и церковно-славянское чтеніе въ церкви с. Татева доставляло высокое эстетическое наслажденіе какъ прихожанамъ с. Татева, такъ и самимъ ученикамъ.

¹ «Сельская Школа», стр. 278.

² Тамъ же, стр. 18—109 и др.

Руководя долгіе годы Татевской школой, С. А. путемъ собственнаго опыта пришелъ къ убѣжденію, что прочно прививаются дѣтямъ не знанія, а умѣнья, поэтому заботы педагоговъ, слѣдовавшихъ нѣмецкой школѣ,—сообщать какъ можно болѣе такъ называемыхъ «реальныхъ» и всякихъ другихъ свѣдѣній—не увѣнчиваются успѣхомъ: всякія теоретическія познанія скоро улетучиваются, а остаются только твердые навыки и умѣнья.) Поэтому С. А. совершенно оригинально поставилъ преподаваніе всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые онъ считалъ нужнымъ включить въ программу начальной школы. Такъ, на урокахъ русскаго языка онъ ста-

Дорога къ Татевской церкви.

рался выучить своихъ учениковъ главнымъ образомъ умѣнью толково читать и писать и владѣть языкомъ, какъ орудіемъ мысли, и не слѣдовала нѣмецкой методѣ—въ центрѣ изученія русскаго языка ставить такъ называемое объяснительное чтеніе, когда слѣпые подражатели нѣмецкой школѣ сводили эти уроки на уроки міровѣдѣнія, стараясь на урокахъ русскаго языка сообщать, какъ можно больше, всевозможныхъ свѣдѣній, а при изученіи азбуки заботились болѣе о развитіи наблюдательности и самостоятельности и т. п., чѣмъ объ изученіи самой азбуки.

Грамматика въ народной школѣ, по мнѣнію С. А., также должна занимать второстепенное значеніе и уступать мѣсто чтенію и заучиванію наизусть лучшихъ произведеній Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Жу-

ковскаго и др. Письменные работы должны преслѣдовать лишь практическія цѣли: умѣнье написать крестьянское письмо, прошеніе, условіе и т. п.

Такое же практическое направленіе должно быть придано и преподаванію ариеметики въ начальной сельской школѣ. С. А. Рачинскій совершенно изгналъ изъ своихъ школъ сухой формалистической нѣмецкой методъ изученія чиселъ и ихъ состава, введенный у насъ Евтушевскимъ, и обратилъ главное вниманіе на изученіе дѣйствій надъ числами и на упражненія дѣтей въ устномъ счетѣ. «Ничтожныя знанія, приобретаемая въ сельской школѣ,—пишетъ С. А. въ своихъ замѣткахъ о сельской школѣ,—только и получаютъ нѣкоторую цѣну, если сопряжены съ соотвѣтствующими умѣньями. Въ области ариеметики разумѣю быстрый и вѣрный счетъ устный и письменный. Этихъ умѣній добиваются сами ученики и обязанность учителя—всячески помогать имъ приобрести ихъ». ¹

Крестьянину, не имѣющему часто ни грифеля, ни аспидной доски, ни бумаги, ни карандаша, всего нужнѣе въ обыденной земледѣльческой и торговой жизни навыкъ въ умственномъ счетѣ. Самъ С. А. въ своей Татевской школѣ при обученіи ариеметикъ пользовался десятичной системой счисленія, извѣстной дѣтямъ по употребляемому въ ихъ семьяхъ счету на копейки, гривенники и рубли, и дѣти достигали у него изумительныхъ результатовъ въ счисленіи, въ умѣнни быстро дѣлать устно вычисленія съ самыми крупными числами. Въ школахъ съ 4-хъ-голичнымъ курсомъ С. А. рекомендовалъ изученіе дробныхъ чиселъ и элементарной геометріи, которая имѣетъ такое важное практическое значеніе въ техническомъ рисованіи и во всѣхъ строительныхъ и художественныхъ ремеслахъ.

Въ цѣляхъ главнымъ образомъ болѣе воспитательныхъ, чѣмъ образовательныхъ, С. А. Рачинскій находилъ полезнымъ преподаваніе въ начальныхъ школахъ важнѣйшихъ событій изъ исторіи гражданской отечественной и всеобщей, а также географіи русской и всеобщей. Знакомство дѣтей съ окружающей природой С. А. рекомендовалъ учителямъ дѣлать (и самъ постоянно дѣлалъ) во время прогулокъ и во время занятій учениковъ въ школьномъ саду, огородѣ, каковыя занятія онъ считалъ для крестьянскихъ дѣтей наиболѣе полезными.

Рисованіе и музыка для способныхъ къ этимъ занятіямъ дѣтей С. А. Рачинскій считалъ также полезнымъ преподавать въ школѣ и самъ преподавалъ въ своей Татевской школѣ. Съ полнымъ одобреніемъ встрѣчалъ онъ попытки ввести въ начальную школу занятія ремеслами и полезнымъ ручнымъ трудомъ и сельскимъ хозяйствомъ.

Вотъ тотъ небольшой кругъ предметовъ, преподаваніе которыхъ въ начальной школѣ считалъ полезнымъ С. А. Но весьма цѣнны были главнымъ образомъ тѣ задачи, которыя поставилъ онъ въ центрѣ всего въ школьномъ образованіи, это—*воспитательное начало*,—развитіе въ дѣ-

¹ «Сельская Школа», стр. 62.

тяхъ *тѣхъ духовныхъ сокровищъ*, которыми богата душа русскаго народа— *глубокой религіозности*, любви къ Церкви, любви ко всему церковному, ко всему истинно-народному и высокому, и выработка добрыхъ привычекъ, которые бы оставались у дѣтей на всю жизнь. Школа С. А. Рачинскаго ставила цѣлью не одно развитіе умственныхъ способностей и муштровку воли, а гармоническое развитіе всѣхъ душевныхъ силъ и прежде всего развитіе сердца, чувства и высшихъ духовныхъ дарованій.

Сочиненія С. А. Рачинскаго, въ которыхъ онъ съ такой силой и убѣдительною высказываетъ свои мысли о народномъ образованіи, являвшіяся у него результатомъ глубокихъ думъ и многолѣтнихъ наблюденій и опытовъ, собранныя въ одну книгу, изданную Училищнымъ Совѣтомъ при Святѣйшемъ Синодѣ подъ общимъ названіемъ «Сельская школа», останутся навсегда драгоцѣннымъ вкладомъ въ педагогическую литературу.

III.

Личный примѣръ учительства С. А. Рачинскаго.—Татевская школа, имъ устроенная.

Педагогическія сочиненія С. А. далеко не имѣли бы той цѣны, если бы они не соединялись съ живымъ примѣромъ, который онъ далъ самъ въ своей труженической жизни и самоотверженной дѣятельности. Онъ всего себя отдалъ на служеніе народному просвѣщенію: и въ своемъ учительствѣ, и во всей своей жизни и дѣятельности С. А. далъ такой высокой образецъ народнаго учителя, истиннаго просвѣтителя-подвижника, который невольно влечетъ къ себѣ cadaго своею обаятельною, своимъ высокимъ самоотреченіемъ и той горячей любовью въ крестьянскимъ дѣтямъ, каковую обнаружилъ онъ въ своей совмѣстной жизни съ дѣтьми и обращеніи съ школьниками и учителями. Онъ далъ всѣмъ образованнымъ людямъ, жалующимся на свою отчужденность отъ народа, желающимъ «слиться съ нимъ», образецъ этого полнаго сліянія. Онъ показалъ, что для того, чтобы учить «темный людъ» (какъ любятъ часто называть простой народъ), нужно многому сперва самому учителю поучиться у этого люда, сблизиться съ нимъ, перешагнуть ту пропасть, которая отдѣляетъ «образованные слои» отъ него, пожить его трудовою жизнью, познакомиться со всѣми его вѣрованіями и надеждами, изучить тотъ бытъ, о которомъ столько говорятъ и пишутъ друзья и благодѣтели этого народа, нерѣдко совсѣмъ ему чуждые по своему образованію и образу жизни. И съ глубокимъ истинно христіанскимъ смиреніемъ С. А. выполнилъ принятый имъ на себя добровольно долгъ учителя народнаго. Самоотверженная и чистая душа С. А. неразрывно слилась съ вѣрующей и любящей душой русскаго народа.

Примѣромъ собственной жизни онъ показалъ образъ глубокаго христіанскаго смиренія и не только уяснилъ основы христіанскаго просвѣщенія въ народной школѣ, но и далъ яркій и наглядный жизненный

образецъ, какимъ долженъ быть народный учитель и чего онъ можетъ достигнуть въ своей дѣятельности, если только онъ искренно проникнется стремленіемъ принести ту пользу, которой отъ него ждетъ простой народъ, требующій отъ школы прежде всего наученія всему «божественному», «жить по-Божески» и цѣнящій свою школу, только какъ «школу добрыхъ нравовъ» и «добрыхъ навыковъ».

Не выходя изъ предѣловъ крестьянскаго обихода, С. А. глубоко обдумала каждую деталь, каждую мелочь какъ во внѣшней обстановкѣ своей школы, такъ и въ порядкѣ занятій, въ образѣ жизни и во взаимныхъ отношеніяхъ и своихъ къ дѣтямъ, и всѣхъ членовъ школьной семьи между собою. Все носило печать глубокой практичности и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокаго внутренняго значенія.

Школа, устроенная С. А., представляла изъ себя большое деревянное одноэтажное зданіе съ широкой терассой и крыльцомъ съ передней стороны; къ этому главному корпусу была придѣлана небольшая двухэтажная пристройка внутри, тѣсно соединенная съ главнымъ зданіемъ; въ этой пристройкѣ внизу въ двухъ маленькихъ комнатахъ и жилъ С. А., предоставляя верхъ для учениковъ, занимавшихся рисованіемъ и иконописью. Предъ зданіемъ былъ разбитъ трудами учителя и учениковъ обширный и красивый цвѣтникъ. Стѣны терассы и столбы, поддерживавшіе навѣсъ, были также украшены вьющимися растеніями. Цвѣты, которые такъ любилъ самъ С. А., наполняли и терассу. Съ крыльца дверь вела въ прихожую. Надъ дверью висѣлъ образъ Спасителя художественной работы.

Изъ передней прямо дверь вела въ помѣщенія учителей помощниковъ С. А., налѣво—въ столовую и кухню общежитія, дверь направо вела въ классъ. Классная комната просторная, свѣтлая, съ большими окнами была украшена множествомъ картинъ и рисунковъ (изъ Св. Исторіи, отечественной и пр.), и рисунками его учениковъ (художника Н. П. Богданова-Бѣльскаго и др.), среди которыхъ выдѣлялся большой снимокъ съ Богоматери художника В. М. Васнецова, подаренный школѣ самимъ авторомъ. Тутъ же висѣли таблицы съ красивыми заставками и орнаментами, написанныя крупнымъ славянскимъ уставомъ рукою самого С. А. и заключавшія тропари двенадцатыхъ праздниковъ, догматики и др. молитвы и пѣснопѣнія церковныя. Въ переднемъ углу всѣ иконы были увѣшаны чистыми расшитыми полотенцами, и предъ иконами теплилась лампада. У лѣвой стороны, почти сплошь стеклянной, былъ цѣлый рядъ комнатныхъ растеній и цвѣтовъ, что придавало школѣ и комнатѣ праздничный и веселый видъ. Изъ класса особая дверь вела прямо въ помѣщеніе С. А. Съ балкона школы открывался красивый видъ на окрестности Татева, черезъ дорогу былъ разбитъ школьный садъ и огородъ, въ которомъ ученики сами садили и выращивали себѣ разныя овощи и ягоды.

Школа поражала всѣхъ своей чистотой и убранствомъ, и эта чистота и порядокъ поддерживались исключительно учениками подъ надзоромъ самого С. А. Въ школѣ не было даже сторожа. Всѣ заботы о чистотѣ въ школѣ, объ отопленіи и объ уборкѣ всѣхъ классныхъ помѣщеній и общежитія лежали на самихъ ученикахъ: дѣти сами мыли полы и выметали соръ и пыль, рубили дрова, топили печи, носили воду, доставали и приготавливали провизію для обѣда, и лишь обѣдъ варила старуха-стряпуха, единственная прислуга и въ школѣ, и въ общежитіи, въ которомъ иногда набиралось народу до 50 человекъ. Самъ С. А. подавалъ ученикамъ во всѣхъ этихъ работахъ и заботахъ о чистотѣ школы

Помѣщичій домъ С. А. Рачинскаго въ Татевѣ, со стороны сада.

примѣръ. Такъ, онъ принялъ на себя самую черную изъ работъ—очищать навозъ съ площади предъ школой, въ особенности обильный послѣ праздниковъ и базарныхъ дней, когда въ церковь и въ село пріѣзжало много крестьянскихъ подводъ. Весь этотъ соръ и навозъ, тщательно имъ собираемый, шелъ обыкновенно въ школьные цвѣтники и на школьный огородъ. Лѣтомъ онъ также охотно полоть гряды на школьномъ огородѣ. Такимъ образомъ безъ всякихъ особыхъ затратъ, при средствахъ, имѣющихся въ любой деревнѣ, С. А. Рачинскій сумѣлъ придать своей школѣ красивый и художественный видъ; благодаря же практично устроенной вентиляціи и тщательно поддерживаемой чистотѣ, школьное зданіе удовлетворяло и самымъ строгимъ требованіямъ гигиены.

Устроивъ такимъ образомъ школу и придавъ ей такой прекрасный видъ силами почти исключительно самихъ учениковъ, лишь при посредствѣ своего художественнаго вкуса и затраты небольшихъ сравнительно средствъ, С. А. также идеально организовалъ и учебныя занятія въ ней, и весь строй школьной жизни поставилъ здѣсь такъ, что все было направлено къ главной цѣли, имъ поставленной въ центрѣ всего школьнаго обученія, это—къ воспитанію дѣтей, къ *развитію въ нихъ чувства глубокой религіозности*, и на этомъ твердомъ основаніи къ развитію въ нихъ чувства долга, благожелательности, дружбы, самообладанія—словомъ, къ развитію лучшихъ сторонъ душевнаго характера.

И конечно, онъ понималъ, что эти высокія цѣли и трудныя задачи могутъ быть достигнуты лишь при наличности высокаго авторитета учителя, его мощнаго личнаго вліянія, и примѣра, когда школьная дисциплина будетъ покоиться на безграничномъ уваженіи и преданности ученика къ своему - учителю воспитателю, къ его словамъ и дѣйствіямъ. И С. А. всего себя отдаетъ школѣ, являя собою живой примѣръ глубоко-религіозной и высоконравственной личности учителя со всѣми тѣми качествами, которыя онъ хотѣлъ воспитать въ своихъ ученикахъ крестьянскихъ дѣтяхъ.

Одинъ изъ многочисленныхъ посѣтителей школы въ с. Татевѣ, такъ отзываясь о С. А. «Онъ былъ не только учителемъ своихъ учениковъ, мнѣ кажется, что будетъ мало назвать его ихъ отцемъ; этотъ рѣдкій по душѣ и мягкости любвеобильнаго сердца человекъ былъ для своихъ питомцевъ скорѣе любящей матерью, жившею одними съ ними радостями и горевавшею ихъ неудачами и печальми. Школа была его домъ, школьники его семья, для которой онъ работалъ, не покладая своихъ рукъ». ¹ Дѣти въ Татевской школѣ никогда не оставались безъ надзора—даже во время игръ и прогулокъ, съ ними всегда былъ или самъ С. А., или одинъ изъ его помощниковъ, изъ его же бывшихъ учениковъ крестьянъ. Вмѣстѣ съ ними онъ ѣлъ и пилъ, и ночевалъ; первымъ вставалъ и послѣднимъ ложился; дверь въ его комнату никогда не запиралась, ни днемъ ни ночью». ² Только болѣзнь заставляла его по временамъ бросать свой школьный «муравейникъ (какъ онъ иногда называлъ свою школу въ письмахъ) и прекращать свои почти непрерывныя занятія. ³ Въ одно и тоже время онъ былъ для своихъ учениковъ и учителемъ и слугой, и воспитателемъ, и надзирателемъ!

И его постоянный надзоръ за учениками не былъ дозоромъ, высматривающимъ и преслѣдующимъ мелкіе дисциплинарныя проступки, а ско-

¹ Д. Павловъ. «Москов. Вѣдом.», 1902. № 121.

² «Странникъ», 1881. Т. III, 629 стр.

³ Свящ. Танаевскій. «Татевская школа» С. А. Рачинскаго. «Народ. Образованіе», 1902. Т. II, стр. 128,

рѣе неустанной бдительностью нѣжнаго родительскаго сердца. Дѣти воспитывались въ Татевѣ на свободѣ и вполнѣ гуманно, но въ то же время въ чувствѣ должнаго повинованія, безъ потворства разнымъ слабостямъ и проступкамъ учениковъ. Постоянно ровное и сердечное отношеніе С. А. къ ученикамъ предупреждало и дѣлало въ большинствѣ случаевъ невозможными и самыя проступки нравственные. Правда, случались въ жизни Татевской школы мелкіе случаи нарушенія дѣтьми дисциплины, вспышки гнѣва, недоброжелательности и т. п., но они чаще всего въ самомъ корнѣ подавлялись кроткими терпѣливыми, но въ то же время настойчивыми вразумленіями и убѣжденіями С. А., умѣлымъ обращеніемъ его къ нѣжному въ дѣтяхъ чувству стыдливости, а иногда наконецъ выговорами и порицаніями¹ «И что у него, за доброта, что за простота, что за скромность во всемъ и въ обращеніи съ дѣтьми,—писаль одинъ изъ его сотрудниковъ. «Я всегда удивлялся, какъ онъ при разныхъ мелкихъ невзгодахъ и дѣтскихъ преступленіяхъ старался не замѣтить ихъ. Наприм., бѣгаютъ дѣти, нечаянно разобьютъ стекло или горшокъ съ цвѣтами.

— Кто, это ты, Ваня, разбилъ? Поди скажи Семену, чтобы онъ позвалъ садовника убрать это.

И только. Я старался поступать такъ же, но все же не могъ удержаться, чтобы не сказать:

— Ну развѣ ты не видишь, гдѣ ты бѣгаешь? Ахъ ты неосторожный!» «Нужно было видѣть С. А., окруженнаго школьниками и учителями, его же выученниками, чтобы составить себѣ болѣе или менѣе вѣрное представленіе объ этой удивительной единственной въ своемъ родѣ школѣ».²

IV.

Порядокъ учебныхъ занятій и обыденной жизни въ Татевской школѣ.

Вотъ каковъ былъ порядокъ учебныхъ занятій и обыденной жизни въ Татевѣ при С. А.

Школьный день начинался рано: въ 6 часовъ дѣти, жившіе въ общежитіи, вставали и шли на молитву. Здѣсь уже ожидалъ ихъ С. А. Начальный и заключительный возгласъ (въ формѣ предписанной мрянамъ) произносился имъ самимъ или однимъ изъ его помощниковъ. Затѣмъ ученикъ читалъ положенныя молитвы, которыя прерывались и заканчивались общимъ пѣніемъ. За молитвой слѣдовалъ завтракъ, который обыкновенно состоялъ изъ хлѣба съ молокомъ или квасомъ (по постнымъ днямъ). Время послѣ завтрака до 9 часовъ пополнялось хозяйственными работами; кто носилъ дрова въ кухню, кто воду, кто цвѣты поливалъ,

¹ Свящ. Танаевскій. «Татевская школа» С. А. Рачинскаго. «Народное Образованіе», 1902. Т. II, стр. 130.

² Свящ. А. Воскресенскій. Воспоминанія о А. С. Рачинскомъ. «Народное Образованіе», 1911. Мартъ, Апрельъ и Май—Іюнь.

кто убиралъ школу, кто отправлялся въ экономію за продуктами. Содержаніе общежитія ложилось всей тяжестью на С. А. и онъ употреблялъ на это свои не особенно богатые средства;¹ безъ дѣла никто не оставался. С. А. въ это время ходилъ обыкновенно въ свой домъ поздороваться съ своей старушкой матушкой (умершей въ 1894 г.) и съ сестрой, и затѣмъ аккуратно являлся къ 9 часамъ и занимался въ школѣ до 12 часовъ, преподавая въ старшей группѣ. Въ 12 час. былъ обѣдъ. Въ столовой, которая была вмѣстѣ съ тѣмъ и спальней,—для чего по стѣнамъ были устроены нары съ отдѣленіями для каждаго мальчика,—стояли два длинныхъ стола съ лавками по бокамъ; за однимъ изъ столовъ въ концѣ садился обыкновенно С. А., а за другимъ столомъ его помощникъ, и всѣ обѣдали вмѣстѣ изъ одинаковыхъ бѣлыхъ глиняныхъ чашекъ. Предъ обѣдомъ и послѣ обѣда пѣлись обычныя молитвы. Обѣдъ состоялъ изъ двухъ блюдовъ—большею частью изъ щей или супа съ мясомъ и каши (посты соблюдались со всей строгостью церковнаго устава; по праздникамъ сверхъ того давались пироги и чай—словомъ пища была простая, но здоровая, питательная и ничѣмъ не отличалась отъ обихода средней или зажиточной крестьянской семьи. Овощи къ столу шли изъ школьнаго огорода, воздѣлывавшагося С. А. при помощи всей школы. Послѣ обѣда былъ перерывъ въ занятіяхъ до 2 часовъ, во время котораго часть школьниковъ занималась тѣми же хозяйственными работами,—одни запасали дрова, воду, другіе копались въ огородѣ (лѣтомъ) или огребали снѣгъ около школы, или играли подъ надзоромъ самого С. А. или его помощника. С. А. также принималъ участіе въ работахъ (пололъ гряды, руководилъ работами на огородѣ и въ цвѣтникѣ и т. п.), или,—что чаще всего было, когда С. А. чувствовалъ упадокъ силъ, переписывалъ ноты для школьнаго хора, или разрисовывалъ крупными славянскими буквами для любимой своей школы и для сосѣднихъ школъ молитвы, тропари и кондаки двенадцатыхъ праздниковъ съ разноцвѣтными заставками и орнаментами, которыя затѣмъ въ видѣ таблицъ и служили украшеніемъ школьныхъ стѣнъ. Отъ 2 часовъ до 4 продолжались уроки; въ 4 часа ребята полдничали, затѣмъ отдыхали, играли на дворѣ или прогуливались, а съ 6 до 9 шли вечернія занятія; рѣшались ариѳметическія задачи на устный счетъ, читались и заучивались классическія произведенія русской литературы (Пушкинъ, Лермонтовъ и др.), производились спѣвки и пр. Особенно любимы были дѣтскими ариѳметическія задачи С. А. на устный счетъ. У С. А. было такъ заведено: онъ сидитъ или стоитъ въ сторонкѣ. Кто рѣшитъ задачку, тотъ подбѣгаетъ къ нему и шепчетъ на ухо отвѣтъ. Если рѣшеніе вѣрно, мальчикъ становится по правую

¹ Помогалъ С. А. и дѣвочкамъ, обучавшимся въ Татевской школѣ. Онѣ жили въ наемныхъ помѣщеніяхъ у мѣстнаго причта и С. А. за многихъ изъ нихъ платилъ изъ своихъ средствъ.

руку учителя, если невѣрно—по лѣвую. Въ праздники С. А., желая выработать въ дѣтяхъ навыкъ къ быстрому счету, одѣлялъ пряниками быстрое всѣхъ рѣшавшихъ его задачи; задачи эти имъ были заранѣ составляемы и выдаваемы дѣтямъ на особыхъ листочкахъ, а затѣмъ были напечатаны въ особой книжкѣ подъ заглавіемъ «1001 задача для устного счета». И дѣти достигали изумительныхъ результатовъ въ этихъ упражненіяхъ. Всѣмъ извѣстна прекрасная картина ученика и воспитанника С. А., знаменитаго нынѣ художника Н. П. Богданова-Бѣльскаго, изображающая С. А. за этими занятіями съ дѣтьми ариметическимъ счетомъ.

Послѣ вечернихъ занятій въ 9 часовъ слѣдовала при непремѣнномъ участіи С. А. вечерняя молитва. Въ особенности трогательно совершалась эта молитва. «Серьезно и сосредоточенно стояли предъ иконами съ теплящейся лампадой послѣ цѣлаго дня умственныхъ и разнообразныхъ трудовъ наши ребята,—вспоминаетъ Н. М. Горбовъ, бывший полтора года въ Татевѣ помощникомъ С. А.,—и я не могу сказать, какъ милы, какъ они хороши бывали въ это время». ¹ «Во всемъ этомъ, пишетъ другой очевидецъ по поводу вечерней молитвы,—было столько умилительной простоты, столько искренняго, неподдѣльнаго благочестія, что на глазахъ у меня невольно наворачивались слезы.. и я никогда не забуду этого впечатлѣнія!» ²

С. А. умѣлъ разнообразить вечернія молитвы и вставлялъ между ними или пѣніе тропарей ближайшаго праздника, или пѣніе догматика недѣльнаго гласа, или замѣнялъ чтеніе обычныхъ молитвъ акаѳистомъ и другими молитвословіями; послѣ молитвы дѣти шли спать.

Въ субботы и праздничные дни порядокъ дня былъ особый. Въ субботу уроки оканчивались въ 12 часовъ дня. Послѣ обѣда шла особо тщательная уборка школы, мытье половъ, чистка спальни и другихъ школьныхъ помѣщеній, послѣ чего ученики шли въ баню. Послѣ бани всѣ пили чай. Послѣ чая самъ С. А. читалъ и объяснялъ очередное воскресное или праздничное Евангеліе. Вотъ какъ описываетъ Н. М. Горбовъ въ своихъ воспоминаніяхъ эти «незабвенныя», по его словамъ, «субботнія бесѣды». Среди обширнаго класса ставился столъ, по скамьямъ поодаль размѣщались его помощники учителя и ученики, а иногда и родственники учениковъ, или взрослые пѣвчіе, которые не лѣнились приходить на эти субботнія бесѣды за нѣсколько верстъ изъ деревень. С. А. прочитывалъ рядовое Евангеліе по славянски и давалъ нѣсколько объясненій; а затѣмъ читалъ тоже Евангеліе по русски. Часто эти объясненія переходили въ цѣлыя бесѣды ³ и эти бесѣды были такъ сердечны, такъ

¹ «Русь», 1884. № 6, стр. 20.

² В. Н. Ляковский. Памяти С. А. Рачинскаго, стр. 14.

³ Эти чтенія также увѣковѣчены худож. Н. Н. Богдановымъ-Бѣльскимъ въ его превосходной картинѣ «Воскресное чтеніе», находящейся нынѣ въ Музеѣ Александра III, въ Спб.

глубоко жизненны и назидательны, что глубоко западали въ сердце каждаго слушателя и оставались въ памяти на всю жизнь. Завершались субботы спѣвкой къ воскресной или праздничной службѣ, затѣмъ слѣдовали молитва и сонъ. Крестьяне-пѣвчіе изъ дальнихъ деревень обыкновенно также пользовались школьной баней, угощались чаемъ съ баранками, а затѣмъ и школьнымъ ужиномъ и слушали бесѣды С. А. и эти бесѣды и привлекали ихъ въ школу иногда за нѣсколько верстъ, и никакая погода не могла удержать ихъ дома.

Церковныя службы отправлялись при участіи школьнаго хора въ Татевской церкви чрезвычайно благоговѣнно и С. А. подавалъ всѣмъ примѣръ своей глубокой религіозностью. Церковное пѣніе было поставлено въ Татевѣ превосходно. Самъ высокообразованный музыкантъ, любившій и изучившій музыку серьезно еще въ молодости, что его и сблизило за границей съ великимъ композиторомъ и піанистомъ Листомъ, С. А. умѣлъ находить красоты въ музыкальныхъ произведеніяхъ нашихъ старыхъ и новыхъ композиторовъ и умѣлъ выбирать лучшія изъ нихъ для разучиванія и исполненія въ Татевскомъ храмѣ. С. А. глубоко чувствовалъ внутренній смыслъ нашихъ церковныхъ службъ и ихъ красоту и беззавѣтно любилъ чинъ церковный. Послѣ богослуженія дѣти въ праздники пили чай, ѣли пироги, рѣзвились, отдыхали, уходили къ роднымъ, а вечеромъ занимались съ С. А. и больше всего рѣшеніемъ устныхъ задачъ, за что наиболѣе успѣвавшіе въ этомъ предметѣ, какъ мы уже упоминали, получали отъ С. А. въ награду пряники.

Самъ С. А. въ праздники послѣ обѣда въ школѣ, уходилъ обычно въ свой домъ, повидаться съ престарѣлой матерью и сестрой и отдыхалъ тамъ нѣсколько часовъ до вечернихъ занятій.

V.

Праздники въ Татевской школѣ.

Этотъ обычный школьный строй жизни украшался цѣлымъ рядомъ школьныхъ торжествъ, устраивавшихся С. А. во всѣ важнѣйшіе годовые праздники. Геніальный педагогъ устранилъ одинъ важный недостатокъ нашей школы—это невниманіе къ дѣтямъ со стороны школы въ праздничные дни. До него школа въ большинствѣ случаевъ запиралась на праздники (да и теперь не въ большинствѣ ли школъ происходитъ тоже?), и такимъ образомъ она обращена была къ дѣтямъ лишь будничной своей стороною и съ ней связаны были у дѣтей воспоминанія только объ упорномъ напряженномъ трудѣ и беззастыжной обязательности. Не такъ было въ Татевской школѣ С. А. Рачинскаго. С. А. понималъ, что въ дѣтскихъ душахъ ярче запечатлѣваются воспоминанія не будничныя обыденныя, а наоборотъ, рѣдкія, праздничныя, необычныя, и потому всѣ радости праздничныхъ дней онъ тѣсно связалъ съ школой,

которая отъ этого становилась еще дороже, еще милѣе для учащихся и тѣмъ тѣснѣе привязывала сердца ихъ къ себѣ, даря свѣтлыми неизгладимыми впечатлѣніями, полными поэзіи и особыхъ чарованій, которыми такъ скрашивается наша жизнь и лучшая пора жизни—незабвенное золотое дѣтство.

Ученики С. А. въ Татевѣ всѣ главные праздники—Рождество, Пасху и въ особенности день св. Первоучителей Словенскихъ Кирилла и Меодія проводили вмѣстѣ съ своимъ учителемъ въ школѣ.

С. А. Рачинскій на площадкѣ предъ Татевской школой.

Праздничный домострой былъ глубоко обдуманъ С. А. и порядокъ празднованія школой всѣхъ этихъ великихъ праздниковъ былъ разработанъ имъ до мельчайшихъ подробностей, гдѣ все имѣло свой глубокий смыслъ, все было тѣсно связано съ уставами церкви православной, съ вѣковыми вѣрованіями и лучшими обычаями народными и, наконецъ,—съ тѣми высокими задачами воспитанія, какія были имъ положены въ основу всего его дѣла. Наиболѣе торжественное богослуженіе являлось центральнымъ въ каждомъ праздникѣ, тщательная подготовка къ нему и самое дѣятельное участіе въ немъ всѣхъ и каждого составляли главную заботу С. А.

Достаточно прочесть среди его статей сборника «Сельская школа» превосходнѣйшее описаніе отправленія Великаго Повечерія на первой недѣлѣ Великаго поста при участіи его учениковъ въ деревенской Татевской церкви, чтобы судить о томъ, какъ глубоко понималъ красоты нашего богослуженія С. А., какъ глубоко чувствовалъ онъ ихъ высокохудожественное значеніе и его мощное вліяніе на развитіе религіознаго чувства, чтобы судить, какъ онъ умѣло пользовался въ воспитательномъ отношеніи красотами воистину для всѣхъ обаятельнаго богослуженія страстной недѣли и Свѣтлаго Христова Воскресенія, въ которомъ Церковь православная проявляетъ такую мощь и силу, такую чудную красоту христіанской поэзіи, которая способна растопить самое черствое обледенѣвшее сердце, озарить свѣтомъ и исполнить радостію самую мрачную и полную отчаянія окаменѣвшую душу.

Задолго еще до праздника въ Татевѣ начинались обыкновенно предпраздничныя приготовленія, происходили частыя спѣвки, съ заучиваніемъ радостныхъ праздничныхъ пѣснопѣній, которыя такъ пріятно заставляли биться дѣтское сердце, наполняя его свѣтлыми ожиданіями праздника и скрашивая длинные часы усиленныхъ занятій. Эти ожиданія, имѣя глубокое психологическое значеніе, значительно усугубляли торжество самого праздника.

Вотъ какъ описываетъ Н. М. Горбовъ и А. Д. Воскресенскій, сотрудники С. А. Рачинскаго, пасхальный праздникъ въ Татевской школѣ. «По истинѣ праздникомъ изъ праздниковъ была въ Татевѣ Пасха». «Съ утра въ Великую Пятницу началась уборка комнатъ, главнымъ образомъ большой классной комнаты. С. А. приказалъ принести множество свѣжихъ цвѣтовъ въ плошкахъ изъ оранжерей дома своей матушки и принялся самъ съ нами украшать школу: всѣмъ было много работы. Изъ большой классной комнаты мы вынесли нѣсколько столовъ, а остальные расположили въ ряды, спинками другъ къ другу и получилось два длинныхъ стола: крышки въ нихъ мы приподняли, подложивъ подножки и все это получило видъ двухъ огромныхъ ровныхъ столовъ. Стѣны вымыли, вытерли, и подъ руководствомъ С. А. увѣшали ихъ десятками расшитыхъ полотенецъ, выставили окна. иконы чудно убрали полотенецами. Затѣмъ С. А. началъ разставлять цвѣты на окнахъ и предъ иконами и на широкихъ лавочкахъ съ цинковыми подносами. Такъ хорошо, весело стало. Изъ большого дома С. А. принесли нѣсколько корзинъ съ куличами, пасхами, крашеными яйцами и пр. Все это мы съ С. А. разставляли на столахъ въ перемежку съ цвѣтами.

Вечеромъ изъ Тарховской школы¹ привезли всѣмъ намъ, и учителямъ, и дѣтямъ обновки: каждому рубашку и поясокъ, сработанные

¹ Тарховская женская школа была основана и процвѣтала при участіи С. А. Тамъ прекрасно поставлены были женскія рукодѣлія и ткачество.

отъ начала до конца этой, чудной школой: учительницами и ученицами (ткали полотно, бѣлили его, кроили и шили, а пояски вязали). Мы всѣ и С. А. одѣли этотъ подарокъ и какъ пріятно было смотрѣть. Рубашки бѣлыя, обшитыя лентою съ красными узорами и красный вязаный пояс-сокъ. Лампы ярко горять, вокругъ все такъ хорошо и цвѣты, цвѣты, которыя такъ все красятъ». ¹ Дѣвочки въ новыхъ сарафанахъ»...

«Причесанные, какъ никогда, чистые и нарядные сидятъ наши ребята по лавкамъ и изрѣдка тихо переговариваются. Сверху изъ пѣвческой доносится послѣдняя спѣвка какихъ-нибудь недостаточно еще идущихъ мѣстъ... Но уже полночь, пора идти. Мигомъ все встрепенулось; всѣ спѣшатъ чрезъ небольшую площадь въ церковь. А высокая ярко освѣщенная Татевская церковь уже полнымъ полна народа. Всѣ въ ожиданіи. И вотъ среди этой проникновенной тишины раздается ударъ колокола. Толпа колышется и крестный ходъ, съ трудомъ пробираясь, выходитъ изъ церкви. Сквозь окна видно, какъ онъ обходитъ вокругъ; доносятся слова стихиры: «Воскресеніе Твое Христе Спасе». И наконецъ наступаетъ торжественная минута: по возгласъ священника слышно пѣніе «Христось Воскресе», и крестный ходъ въ церкви, и всѣ счастливы, всѣ радостны, всѣ сливаются въ одномъ порывѣ восторга. Начинается пасхальная заутреня, чудо поэзіи, музыкальной красоты и молитвеннаго настроенія. Дивное вообще богослуженіе о Петра дѣлается вдохновеннымъ... Около 4-хъ часовъ окончилась литургія и мы пришли въ школу. Пропѣли «Христось Воскресе», С. А. похристосовался со всѣми нами и дѣтьми... «Какъ описать прелесть ребятъ нашихъ въ эту минуту! Какъ описать школу, всѣмъ существомъ радующуюся воскресенію Бога и Спаса нашего? Какъ повторить эти поздравленія, не по обычаю только приносимыя, а искреннія, отъ души, по поводу подлиннаго дѣйствительнаго вотъ сейчасъ нахлынувшего счастья? Воистину воскресе!» ² И вся семья въ пятьдесятъ душъ усѣлась за столами. Свѣтлѣло и мы при чудной зарѣ и восходящемъ солнцѣ встрѣчали Свѣтлый день и разговлялись. Какъ ярко, красиво было въ школѣ, какимъ свѣтомъ свѣтились лица у всѣхъ, какіе всѣ были радостные!»... Лишь послѣ разговѣнья С. А. пошелъ домой... «Какъ онъ тронулъ насъ всѣхъ... Школу свою больше всего любить онъ: тамъ и мать больная, и сестра ждутъ его, но онъ прежде всего встрѣтилъ праздникъ съ нами!» ³

Такъ радостно проводились святки,—праздники Рождества Христова и Богоявленія,—когда въ школѣ устраивался вечеръ съ елкой, съ пѣніемъ и чтеніемъ учениковъ школы, сдѣлавшіися въ настоящее время обычнымъ во многихъ школахъ.

¹ «Народное Образование», 1911. Мартъ, стр. 533—569.

² Тамъ же, 1902. Сентябрь, стр. 123—124.

³ Тамъ же, 1911. Мартъ, стр. 570. Изъ дневника учителя Татевской школы

Но среди праздниковъ специально школьныхъ слѣдуетъ отмѣтить празднество, устраивавшееся С. А. ежегодно въ Татевѣ 11 мая, въ день памяти св. Кирилла и Меѳодія, первоучителей словенскихъ, на которое собирались ученики, окончившіе курсъ въ этомъ году и со всѣхъ сосѣднихъ школъ, обязанныхъ своимъ возникновеніемъ С. А. и находящихся подъ его попечительствомъ и руководствомъ. Этотъ праздникъ былъ полонъ глубокаго смысла и преслѣдовалъ ту цѣль, чтобы закрѣпить въ сознаниі учащихся дѣтей тѣсную связь нашу съ другими славянскими народами, для которыхъ языкъ богослужебныхъ книгъ до сихъ поръ остается однимъ общимъ языкомъ для всѣхъ.

Въ этотъ день обыкновенно совершалась торжественная литургія въ присутствіи всѣхъ учениковъ Татевской школы и прибывшихъ изъ школъ окрестныхъ селеній и затѣмъ устраивался крестный ходъ въ Татевскую школу, гдѣ служили молебенъ св. Кириллу и Меѳодію. Особенно торжественно устроился крестный ходъ въ школу. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ праздникѣ одинъ изъ участниковъ его, ученикъ С. А.-ча, — Емельяновъ, бывший въ Татевѣ 11 мая въ качествѣ гостя изъ сосѣдней Меженинской школы. «Послѣ заамвонной молитвы, учитель поставилъ всѣхъ насъ въ два ряда по среди церкви лицомъ другъ къ другу отъ амвона до выходной двери. Затѣмъ стали раздавать каждому по хоругви. Это были высокія легонкія древки съ деревянными крестиками на верху, къ нимъ прикрѣплены картонныя хоругви и на каждой изъ нихъ была нарисована во всю хоругвь красной краской какая-нибудь славянская буква. Обѣдня кончилась. Старичекъ священникъ съ благообразной длинной сѣдой бородой, въ камилавкѣ, съ крестомъ въ рукахъ, за нимъ дьяконъ съ Евангеліемъ, два мальчика со свѣчами, четыре мальчика съ иконами св. Кирилла и Меѳодія, вышли изъ алтаря, и вся эта торжественная процессія двинулась изъ церкви: —мы дѣти хоругвеносцы— впереди, позади насъ причтъ, хоръ и всѣ присутствующіе. Выйдя изъ церкви, процессія отправилась къ школѣ. День ясный, солнечный, дуетъ маленькій вѣтерокъ, тихо колыхая и шелестя нашими оригинальными хоругвями. Хоръ поетъ тропарь: «Яко Апостоломъ единомравніи»... Чудный, простой и вмѣстѣ торжественный этотъ видъ невольно наводитъ на хорошія, отрадные мысли, вселяетъ въ сердце свѣтлыя надежды на будущее. Эти маленькія дѣти, молодое поколѣніе, будущіе отцы семействъ, несутъ въ своихъ, пока еще слабыхъ, рукахъ всю мудрость, всю науку міра, всѣ надежды и на свое свѣтлое будущее. Вздывая высоко это знамя, олицетворяющее собой самое важнѣйшее и необходимое въ нашей жизни, они какъ бы собрались пройти весь жизненный путь подъ нимъ, призывая и другихъ подъ сѣнь его. Тутъ же между нами находится и «онъ», котораго—по духу дѣла—смѣло можно назвать братомъ свв. первоучителей славянскихъ. Какъ св. братья, Кириллъ и Меѳодій, первые пришли:

просвѣтитъ духовную темноту и невѣжество болгарскихъ славянъ, такъ этотъ апостоль, только не древнихъ славянъ, а русскихъ крестьянъ, первый двинулся на эту нищую духомъ Божью ниву и своей горячей любовью къ человѣчеству, своей вѣрой въ него, своей надеждой, что дѣло начатое имъ не заглохнетъ,—продолжится и послѣ него, создалъ эту чудную, многозначительную картину, которой могли бы любоваться всѣ желающіе»...

«Дойдя до школьной террасы, духовенство и хоръ взошли на нее, а мы полукругомъ стали внизу у ступеней. Начался молебенъ св. Кириллу и Меѳодію, послѣ котораго священникъ окропилъ всѣхъ св водой, и мы двинулись обратно въ церковь, гдѣ, поставивъ хоругви, стали подходить ко кресту. Когда собрались опять всѣ въ училищѣ, насъ позвали въ классъ. Посреди класса стоялъ столъ, на немъ лежали книжки и стояли чашки съ красными яйцами. Сергѣй Александровичъ стоялъ у стола, мы остановились предъ нимъ. «Вотъ голубчики, обратился онъ къ намъ,—на память о сегодняшнемъ днѣ, я хочу раздать вамъ книжечки, въ которыхъ описаны—жизнь, труды и подвиги св. братьевъ Кирилла и Меѳодія. Конечно, вамъ ужъ извѣстна, хотя вкратцѣ, жизнь ихъ, но тѣмъ не менѣе думаю, что эти книжечки не лишнія будутъ для васъ. Прочитывайте ихъ хоть изрѣдка. Въ жизни св. братьевъ много поучительнаго для насъ всѣхъ». Послѣ этихъ краткихъ словъ Сергѣй Александровичъ началъ раздавать намъ книжечки и яйца».¹

Воспитывая въ дѣтяхъ высокія чувства народнаго самосознанія, любви къ своему народу, какъ могущественнѣйшей вѣтви славянскаго племени, на основахъ глубокой религіозности, С. А. прибѣгаетъ къ педагогическимъ приемамъ чисто народнымъ, пригодность которыхъ давно испытана самимъ народомъ. Къ числу такихъ средствъ, питающихъ наше религіозное и вмѣстѣ съ тѣмъ патріотическое чувство, является путешествіе по святымъ мѣстамъ русскимъ. И С. А. ввелъ въ школьный педагогическій обиходъ и указалъ другимъ школамъ это излюбленное народомъ воспитывающее средство. Онъ совершилъ двухкратное паломничество пѣшкомъ со всей своей школой за 120 верстъ въ Нилову пустынь для поклоненія мощамъ преподобнаго Нила Столбенскаго. Въ первый разъ это было въ 1879 г. съ 30 взрослыми учениками, а второй разъ въ 1887 г., когда паломниковъ было уже 66 и изъ нихъ 46 дѣтей. Это послѣднее паломничество было описано имъ въ статьѣ «Школьный походъ въ Нилову пустынь» съ такимъ воодушевленіемъ, съ такой художественной увлекательностію, что нашло живой откликъ во всѣхъ любящихъ свою школу учителяхъ и вызвало цѣлый рядъ такихъ же школьных паломничествъ во множествѣ церковно-приходскихъ школъ, для ко-

¹ «Народное Образование», 1904. Іюль—Августъ.

торых педагогическая дѣятельность С. А. всегда служила лучшимъ образомъ для подражанія, а Татевъ являлось живой лабораторіей для всего церковно-школьнаго дѣла, на всемъ необъятномъ пространствѣ Россіи.

VI.

Заботы С. А. Рачинскаго о дальнѣйшей судьбѣ своихъ учениковъ. — Внимательное отношеніе Сергѣя Александровича къ особымъ дарованіямъ и талантамъ крестьянскихъ дѣтей.

Особенность школы С. А. въ Татевѣ была та, что она не закрывалась круглый годъ. У С. А. не было вакаціи и школа никогда не пустѣла. На лѣто она наполнялась особыми взрослыми учениками С. А.

Живя общей жизнью съ учениками, С. А. внимательно относился къ дарованіямъ cadaго ученика и всякое проявленіе таланта онъ отмѣчалъ и немедленно талантливаго ученика ставилъ въ такія условія, при которыхъ эти дарованія могли бы развиваться.

Всѣмъ извѣстенъ яркій образецъ этой чуткости С. А., этого внимательнаго отношенія къ природнымъ дарованіямъ его учениковъ, благодаря которому русское искусство получило высокоталантливѣйшаго художника, красу и гордость общества передвижниковъ, академика Н. П. Богданова-Бѣльскаго, картины и портреты котораго на каждой выставкѣ доставляютъ всѣмъ истиннымъ цѣнителямъ искусства столько наслажденій своей правдивостью, своей искренностію, своей любовью къ природѣ и въ особенности къ крестьянскимъ дѣтямъ и вообще къ дѣтскому міру. Академикъ Н. П. Богдановъ-Бѣльскій одинъ изъ первыхъ учениковъ Татевской школы: С. А. сразу угадалъ въ немъ большой талантъ и не щадилъ средствъ для того, чтобы подготовить его къ академіи и дать высшее художественное образованіе своему питомцу, котораго онъ любилъ, какъ сына, со всей нѣжностью горячаго сердца. Такъ же имъ удачно отмѣчены были умственные и нравственные дарованія и у многихъ другихъ Татевскихъ учениковъ которыхъ онъ подготовилъ къ поступленію въ духовно-учебныя заведенія, помогалъ имъ матеріально и нравственно и давалъ возможность наиболѣе даровитымъ и талантливымъ оканчивать даже высшія учебныя заведенія, напр. духовную академію. Такимъ высокопросвѣщеннымъ и даровитѣйшимъ ученикомъ Татевской школы С. А., получившимъ высшее образованіе въ академіи, является выдающійся нынѣ духовный дѣятель, настоятель Крестовоздвиженской Общины, прот. А. П. Васильевъ.

Многіе изъ Татевскихъ учениковъ окончили въ духовной семинаріи въ фельдшерскихъ, рисовальныхъ и иконописныхъ (художникъ Т. Н. Никоновъ и друг.), типографскихъ, ремесленныхъ и друг. школахъ. Болѣе всего С. А. Рачинскій сочувствовалъ двумъ профессіямъ—учительству и священству—и потому большой процентъ изъ учениковъ, обнаружив-

шихъ стремленія къ дальнѣйшему образованію, изъ Татевской школы были подготовлены С. А. именно къ этимъ двумъ родамъ дѣятельности. Не любилъ онъ отрывать отъ крестьянства дѣтей и потому ни одного изъ своихъ учениковъ не опредѣлилъ ни въ гимназію, ни въ другое какое-либо средне-учебное заведеніе, служащее для приготовленія чиновниковъ.

Не имѣя возможности посвящать учебнаго времени на занятія съ этими учениками, окончившими курсъ въ Татевѣ, С. А. предоставлялъ имъ школу и свое время досуга въ каникулярное время. Всѣ ученики,

С. А. Рачинскія среди учителей—своихъ питомцевъ.

желавшіе продолжать свое образованіе и имѣвшіе на то способности, шли къ С. А. «погостить» и здѣсь широко пользовались его руководствомъ и подготовлялись или къ поступленію въ учебное заведеніе, или прямо къ сдачѣ экзамена на званіе учителя. Потребность въ хорошо подготовленныхъ учителяхъ была всегда велика.

{ Примѣръ благотворной дѣятельности С. А. вызывалъ подражаніе. Въ Вѣльскомъ уѣздѣ Смоленской губ. нѣкоторые помѣщики и другіе, любящіе просвѣщеніе, обращались за помощію и совѣтомъ къ С. А., прося организовать и у нихъ народныя школы по образцу Татевской, и С. А. охотно, и словомъ, и дѣломъ помогаль всѣмъ, такимъ просителямъ и, благодаря этому, дѣлался фактическимъ попечителемъ, инструкторомъ и

инспекторомъ открываемыхъ имъ школъ; и такихъ школъ въ ближайшихъ селахъ и деревняхъ къ Татеву С. А. было открыто свыше 10; въ числѣ ихъ въ с. Дунаевѣ и Дровнинѣ двѣ учительскихъ второклассныхъ. Для всѣхъ этихъ школъ требовались надежные учителя и ихъ то и нужно было подготовить Сергѣю Александровичу. Кромѣ того,—физическія силы С. А. съ теченіемъ времени слабѣли. Отличаясь всегда слабымъ здоровьемъ, въ послѣдніе годы онъ не могъ непрерывно вести классныя занятія въ своей школѣ, часто прихварывалъ и потому нуждался въ опытныхъ помощникахъ, съ свѣжими физическими силами—все это заставляло С. А. каждое лѣто организовать при Татевской школѣ нѣчто въ родѣ учительскихъ курсовъ, гдѣ бы наиболѣе даровитые юноши, обладающіе педагогической жилкой, могли правильно подготовляться къ учительству. При этомъ и молодые учителя, выученики С. А., постоянно обращались за руководствомъ и указаніями къ С. А., а въ лѣтнее время всѣхъ ихъ тянуло въ родную школу къ дорогому учителю, съ которымъ было такъ хорошо, такъ плодотворно побесѣдовать, поучиться, подготовить себя къ дальнѣйшей дѣятельности, позаботиться и о своемъ развитіи, наконецъ, просто отдохнуть недѣлю другую въ родной школьной семьѣ. И всѣхъ ихъ съ сердечной лаской встрѣчалъ здѣсь С. А., всѣмъ давалъ пріютъ, а для нуждающихся организовалъ правильныя занятія, способствовавшія дальнѣйшему ихъ развитію. Такимъ образомъ Татевская школа дѣйствовала и лѣтомъ, и школьный строй жизни, столь удобный и пріятный для всѣхъ выучениковъ С. А., не нарушался и въ каникулы. Лишь составъ учениковъ здѣсь мѣнялся и среди «отроковъ»,—какъ называлъ своихъ учениковъ С. А.,—попадались уже и люди взрослые.

Въ этой подготовкѣ къ дальнѣйшей дѣятельности своихъ лучшихъ учениковъ С. А. чѣ принималъ самое дѣятельное участіе. Въ первые годы школьнаго своего подвижничества вся тяжесть вакаціонныхъ занятій съ бывшими учениками падала почти на одного него. «Въ нынѣшнее лѣто (1881 г.),—пишетъ г. И. С. въ своей статьѣ: «Ученый педагогъ въ крестьянской школѣ»,—С. А. преподавалъ своимъ ученикамъ географію, латинскій языкъ, словесность, полный курсъ гражданской исторіи и географіи и во время каникулъ занимался какъ и въ учебное время не менѣе 12 часовъ въ сутки». ¹ Лишь въ послѣдніе годы его старшіе ученики, уже пріобрѣвшіе и опытъ и знанія, облегчали его занятія, но главное руководство, но надзоръ и вся воспитательная сторона по-прежнему оставалась за С. А. Убѣдившись, что среди его учениковъ немало такихъ, какіе имѣютъ въ себѣ способности къ учительству, онъ оставлялъ такихъ при Татевской школѣ или прикомандировывалъ въ одну изъ окрестныхъ ближайшихъ школъ и поручалъ имъ сначала легкія занятія,

¹ «Странникъ», 1881. Т. III, стр. 639.

часть какой-нибудь работы съ одной изъ школьныхъ группъ, а затѣмъ по мѣрѣ успѣха расширялъ кругъ ихъ занятій и затѣмъ въ вакаціи подготавливалъ такихъ способныхъ къ учительству юношей къ сдачѣ экзаменовъ на званіе учителя, позаботившись въ то же время и о расширеніи ихъ знаній и объ общемъ развитіи. И такимъ путемъ онъ приготовилъ уже къ 1890 г. до 40 учителей, которые и размѣщены были въ церковныхъ школахъ и школахъ грамоты Смоленской губ., преимущественно въ тѣхъ, которыя были открыты иногда на средства С. А., или пользовались его руководствомъ и попеченіемъ. Опредѣливъ ихъ на учительскія мѣста, С. А. не оставлялъ ихъ безъ своего руководства и по окончаніи подготовки. Онъ постоянно переписывался съ ними, часто навѣщалъ ихъ, объѣзжая въ зимнее время всѣ школы, гдѣ работали его ученики, а еще чаще они сами посѣщали его въ Татевѣ, пользуясь для того праздничными днями.

«Подъ каждый праздникъ пріѣзжалъ я въ Татеву,—говоритъ Н. М. Горбовъ, бывший помощникъ С. А. по учительству,—куда обыкновенно собирались и еще кое-кто изъ сосѣднихъ учителей, большею частію изъ выучениковъ С. А. Это были маленькіе учительскіе съѣзды. Мы дѣлились впечатлѣніями, обсуждали встрѣчавшіяся затрудненія, предлагали другъ другу какіе-нибудь вновь найденные, казавшіеся удобными приемы. Душой этихъ бесѣдъ былъ С. А., хотя онъ почти не касался вопросовъ методическихъ пріемовъ. Для него было главное—духъ, содержаніе школы. Учитель долженъ быть умѣлымъ, но еще болѣе долженъ быть одушевленъ своею дѣятельностію. И вотъ это-то одушевленіе—кто могъ намъ внушить его, какъ не С. А.? Кто, какъ не онъ, могъ постоянно поддерживать нашу бодрость?»¹ И дѣйствительно духъ С. А., его одушевленіе нерѣдко можно было встрѣтить и въ его ученикахъ-учителяхъ.

Но что всего привлекательнѣе было въ этихъ выученикахъ С. А.—это ихъ близость къ крестьянству. И по внѣшнему виду, и по своему внутреннему расположенію, они остались тѣми же крестьянами, со всѣми тѣми высоко симпатичными качествами, которыя такъ дороги въ крестьянствѣ. Это не полубаричи, которые свысока смотрятъ на деревню и на своихъ учениковъ, а тѣже старшіе братья всѣхъ этихъ крестьянскихъ школьниковъ, близкіе имъ и съ которыми такъ легко ученикамъ. Имѣя высокой образецъ для своего учительства въ С. А., ученики его, подражавшіе своему великому учителю, вездѣ пріобрѣтали общую любовь и родителей и учениковъ. Многіе изъ нихъ сдѣлались діаконами и священниками и пользуются высокимъ авторитетомъ и любовью у своихъ прихожанъ за свое учительство, за усердіе къ школьному дѣлу, за сердечное обращеніе съ дѣтьми. С. А. имѣлъ право, по справедливости гор-

¹ Н. М. Горбовъ. Предисловіе къ соч. С. А. Рачинскаго V—VI стр. «Народ. Образованіе», 1902. Т. II, 145 стр.

даться этими своими выучениками, своими Михеюшками, Романушками, братьями Цыгановыми, о. М. Шалдыкинымъ и многими др. «Радуется меня дѣятельность моихъ учениковъ», писалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Преосвященному Антонію (Храповицкому) въ 1898 г. С. А. И эту радость С. А. испытывалъ каждый разъ, въ особенности присутствуя на экзаменахъ въ школахъ, гдѣ учительствовали его ученики. Поэтому-то, не смотря на свои немощи и усталость послѣ цѣлаго года непрерывныхъ занятій, С. А. каждый разъ непременно самолично производилъ эти экзамены во всѣхъ школахъ, гдѣ учили его выученики, и весь май обыкновенно уходилъ у него на эти поѣздки по школамъ.

На этихъ экзаменахъ особенно сказывалась нѣжная любовь самого С. А. къ дѣтямъ, которой невольно заражались и учителя-выученики его.

С. А. не любилъ строгихъ экзаменаторовъ и на экзаменахъ больше слушалъ отвѣты учениковъ и, если предлагалъ вопросы, то только для того, чтобы ободрить и навести на мысль ученика. Одинъ изъ учителей передаетъ слѣдующій характерный случай изъ экзаменской практики С. А.

«Мало зная характеръ С. А. (учитель былъ чужой), я началъ спрашивать учениковъ довольно строго; ученикъ сталъ читать по славянски и ошибся. Я поправилъ его. Ученикъ снова сдѣлалъ ошибку противъ ударенія.—Мытарь, а не мѣтарь, повысивъ голосъ, сдѣлалъ я поправку.

— Знаете что, Г. В.,—сказалъ потихоньку, обратившись ко мнѣ С. А.,—мнѣ кажется совсѣмъ излишне портить хорошее настроеніе этому мальчугану отъ экзамена, единственнаго въ его жизни, какъ это вы дѣлаете своими поправками. На экзаменѣ намъ можно и не учить, а только оцѣнить успѣхи»...

Но нужно было видѣть, какъ онъ радовался, когда ученики отвѣчали сознательно и толково: «Хорошо, хорошо»—говорилъ улыбаясь С. А. въ такихъ случаяхъ. Его радость передавалась учителямъ и дѣтямъ и всѣмъ было пріятно»... И экзаменъ для всѣхъ становился истиннымъ праздникомъ.

И эта сердечность, эта горячая любовь къ дѣтямъ передавалась многимъ учителямъ-выученикамъ его.¹

«Это какое-то новое племя, именно новое! говоритъ г. В. Н. Лясковскій, посѣтившій школы Рачинскаго, объ учителяхъ-выученикахъ С. А. Они поражаютъ силою и цѣльностію своей вѣры... и своимъ умѣньемъ обращаться съ дѣтьми»... «Умѣнье это въ нѣкоторыхъ изъ нихъ доходило, можно сказать, до художественности». «Онъ не только ласковъ: онъ нѣженъ съ дѣтьми»,—говоритъ объ одномъ изъ своихъ помощниковъ (М. О. Шалдыкинѣ) С. А. И во всемъ этомъ нѣтъ никакой натяжки, ни малѣйшей приторности».²

¹ «Народное Образование», 1903. № 7—8, стр. 25.

² В. Н. Лясковскій. «Русь», 1884. № 6, стр. 17—18.

VII.

Вліяніе Сергѣя Александровича за предѣлами Татева.—Борьба его съ народнымъ пьянствомъ.

Являясь центромъ педагогической дѣятельности Сергѣя Александровича Рачинскаго, Татевое съ каждымъ годомъ расширяло кругъ своего вліянія. Къ голосу Татевскаго отшельника, къ его увлекательнымъ и полнымъ глубокаго знанія жизни педагогическимъ статьямъ прислушивалась вся мыслящая Россія и его примѣръ организациі народной школы

С. А. Рачинскій съ выпускными учениками Татевской школы. (Іюнь, 1891 г.).

былъ высокопоучителенъ для всѣхъ, кому дороги были интересы духовнаго просвѣщенія русскаго народа, и въ особенности для сельскаго духовенства. По образцу Татевской школы въ Россіи появилось множество начальныхъ школъ, въ которыхъ общій складъ, духъ, направленіе, постановка учебно-воспитательнаго дѣла, были тѣ же, что и въ Татевской школѣ и лишь немного видоизмѣнялись въ зависимости отъ личныхъ качествъ подражателей С. А. и отъ мѣстныхъ условій.

Ставя основнымъ положеніемъ своихъ педагогическихъ взглядовъ на народную школу, что школа эта должна быть школой *церковной*, школой христіанскаго ученія и добрыхъ нравовъ, школой христіанской жизни подъ руководствомъ пастырей Церкви,¹ С. А. предъявлялъ осо-

¹ «Сельская Школа», стр. 247.

быя требованія къ приходскимъ пастырямъ. «Пастыри наши,—писаль С. А., въ одной изъ своихъ статей,—должны явить собою ту «въ предѣлахъ немощи человѣческой соль земли, безъ которой послѣдняя остается безплодной и мертвой»... И какъ радовался онъ всякому оживленію въ средѣ духовенства, всякому повышенію въ немъ самосознанія и нравственнаго самоусовершенствованія и какъ болѣлъ душою, когда видѣлъ въ жизни духовенства явленія, вызывавшія укоры этому дорогому для него сословію! Съ горячимъ вдохновеніемъ писалъ онъ письма къ воспитанникамъ Казанской Духовной Академіи, вызывая ихъ на борьбу съ пьянствомъ, такъ пагубно дѣйствующимъ на жизнь народа и нѣкоторой части духовенства.

Письма эти были напечатаны еще при жизни его и, разошедшіяся въ большомъ количествѣ въ формѣ листовъ и брошюръ, имѣли громадное вліяніе на отрезвленіе сельскихъ причтовъ, сельскихъ приходовъ, въ которыхъ учреждались по образцу Татевскаго общества трезвости, кружки трезвенниковъ, имѣющіе такое важное значеніе въ борьбѣ съ народнымъ недугомъ.

Считая величайшимъ зломъ и несчастіемъ этотъ порокъ, С. А. явился горячимъ сторонникомъ совершенной трезвости и, пользуясь своимъ высокимъ авторитетомъ, выработалъ цѣлый рядъ мѣръ въ борьбѣ съ пьянствомъ, которыя имѣли затѣмъ громадное значеніе въ дѣлѣ отрезвленія народа.

Выступивъ съ рядомъ статей и писемъ по этому вопросу, онъ привлекъ къ себѣ вниманіе духовенства и имѣлъ утѣшеніе пріобрѣсти множество сочувственниковъ и подражателей своей дѣятельности среди священниковъ и сельскихъ учителей, и по его примѣру основаны союзы и общества трезвости, избавившіе затѣмъ отъ пьянства многіе десятки тысячъ несчастныхъ. Общество трезвости въ Татевѣ, учрежденное С. А., было однимъ изъ первыхъ образцовыхъ организацій подобнаго рода и имѣло плодотворное вліяніе на крестьянъ Татева и окрестныхъ селеній, внося трезвость и добрые нравы въ крестьянскую среду.

VIII.

Послѣдніе годы жизни и дѣятельности Сергѣя Александровича. — В высочайшій рескриптъ на его имя 14 мая 1899 года.—Кончина Сергѣя Александровича.

Въ концѣ 90-хъ годовъ силы С. А. начали падать. Еще въ 1894 г. послѣ смерти горячо любимой имъ матери, С. А. переселился въ свой домъ и часть своихъ занятій передалъ учителямъ, своимъ выученикамъ. Временами онъ такъ прихварывалъ, что не могъ выходить изъ дому по цѣлымъ недѣлямъ. Но онъ не хотѣлъ оставлять своего дѣла, работая часто до полнаго изнеможенія. «Сколько разъ приходилось видѣть,—говоритъ одинъ изъ его сотрудниковъ,—какъ черезъ силу онъ занимался въ

классѣ. Вдругъ замолкнетъ, помотришь, а онъ стоитъ, опершись одной рукой на столъ, а другой взявшись за голову и шатается.—«Да вы бы оставили С. А., бывало скажешь ему: мы и безъ васъ какъ-нибудь справимся».

— Нѣтъ, друзья мои, дайте мнѣ воды, я немного отдохну и все пройдетъ.

И потомъ опять занимается до новаго головокруженія, а то и до обморока, пока не упадетъ. Только послѣ, придя въ себя, скажетъ: «да, видно, я уже больше не гожусь быть учителемъ». ¹ Учительское мое поприще кончено»,—писалъ онъ незадолго до своей смерти. Съ прошлой осени (1896 г.) лѣта и тяжкій недугъ лишаютъ меня возможности преподавать въ Татевской школѣ, крайне затрудняютъ даже посѣщеніе прочихъ моихъ школъ. ²

Сократились и лѣтнія его занятія по подготовкѣ бывшихъ его учениковъ къ дальнѣйшему образованію. И лишь въ день 5 іюля, въ день именинъ С. А., Татевская школа переполнялась бывшими учениками С. А., которые, не смотря на страдную пору, всѣ бросали свои полевые работы (большинство его учениковъ все-таки оставались крестьянами или жили вакаціи въ деревнѣ и раздѣляли съ родными всѣ ихъ полевые работы) и являлись иногда за десятки верстъ въ Татеву на праздникъ.

Въ этомъ день особенно торжественно совершалось богослуженіе: всѣ бывшіе ученики С. А., священники и діаконы старались принять участіе въ службѣ и часто переполняли алтарь скромной сельской церкви, а учителя пѣвцы и ученики составляли огромный хоръ и исполняли съ особой торжественностію всѣ любимыя пѣснопѣнія С. А. Послѣ молебна пр. Сергію и провозглашенія многолѣтія виновнику торжества всѣ отправлялись въ родную школу въ гости къ С. А. и всѣ составляли дружную и тѣсную семью, каждый членъ которой былъ безмѣрно дорогъ имениннику.

Въ послѣдніе годы его жизни давали ему нѣкоторое оживленіе его поѣздки въ Петербургъ, куда онъ ѣздилъ для участія въ работахъ о выработкѣ «Положенія о церковно-приходскихъ школахъ» и гостилъ у своего друга и товарища по Московскому университету, К. П. Побѣдоносцева. Въ послѣднюю зиму 1901 г. онъ чувствовалъ себя особенно плохо и съ трудомъ дѣлалъ переходы въ четверть версты, что отдѣляли его домъ отъ школы. Ученики поставили ему на полпути скамеечку, чтобы онъ могъ посидѣть, проходя въ школу.

«Лѣта и недугъ свели на нѣтъ мою послѣднюю дѣятельность»,—писалъ онъ 15 марта 1898 г. Но въ этомъ было не мало преувеличеній, вызванныхъ его необыкновенной скромностію. С. А. дѣйствительно меньше, чѣмъ раньше, часовъ отдавалъ Татевской школѣ, гдѣ усердно работали

¹ «Народное Образование». Воспоминанія уч. А. Сѣрякова.

² Письмо С. А. отъ 26 января 1897 г.

его выученики подъ его надзоромъ, но педагогическая его дѣятельность не только не прекратилась, но напротивъ расширялась съ каждымъ годомъ и приняла самыя широкіе размѣры, охватывая чуть не всю Россію. Татево съ каждымъ годомъ привлекало все болѣе и болѣе вниманіе просвѣщенныхъ людей. Многіе пріѣзжали нарочито сюда—одни затѣмъ, чтобы познакомиться съ С. А., поглядѣть на его школу,—другіе,—чтобы поучиться у него и школьному дѣлу, и въ особенности борьбѣ съ пьянствомъ. И всѣхъ ихъ С. А. принималъ радушно, всѣмъ желающимъ давалъ совѣты и руководственныя указанія.¹

Но въ особенности обширна была его переписка, которую онъ велъ со множествомъ лицъ до самой смерти, аккуратно отвѣчая на всѣ обращаемыя къ нему вопросы. Пока перо держалось въ его слабой старческой рукѣ, онъ не въ силахъ былъ отказать въ мудромъ совѣтѣ, полезномъ указаніи или—что еще дороже—въ нравственной поддержкѣ и ободреніи всѣмъ тѣмъ труженикамъ на нивѣ народной, которые обращались къ нему, пока онъ былъ живъ.

Онъ тщательно собиралъ и приводилъ въ порядокъ получавшіяся имъ письма, переплеталъ ихъ по годамъ и завѣщалъ въ Императорскую Публичную Библиотеку, указавъ срокъ, когда они могутъ быть опубликованы. Этихъ писемъ составилось много томовъ (болѣе ста). Въ особенности много писемъ вызвало его участіе въ борьбѣ съ пьянствомъ.

Переписка эта, не смотря на всю ея трудность, доставляла ему высокое нравственное удовлетвореніе: въ ней онъ видѣлъ доступный еще ему способъ широкаго распространенія дорогихъ ему мыслей о народномъ образованіи и объ отрезвленіи народа, а съ другой стороны онъ, получая эти сотни и тысячи писемъ изъ разныхъ концовъ Россіи, не могъ не видѣть въ нихъ общаго признанія торжества этихъ дорогихъ ему идей.

Незадолго до смерти ему доставило великое утѣшеніе признаніе его заслугъ предъ русскимъ просвѣщеніемъ съ высоты Престола, выраженное Государемъ Императоромъ въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ 14 мая 1899 г. на имя «почетнаго попечителя церковно-приходскихъ школъ IV благочинническаго округа Бѣльскаго уѣзда Смоленской епархіи, Сергѣя Рачинскаго» и пожалованіе ему пожизненной пенсіи въ 3.000 руб., которую онъ цѣликомъ отдавалъ затѣмъ на содержаніе своихъ любимыхъ школъ.

Вотъ что писалось въ этомъ Высочайшемъ рескриптѣ:

«Сергѣй Александровичъ! Многолѣтняя ваша дѣятельность на пользу народную обращаетъ на себя особенное Мое вниманіе. Обширное образо-

¹ Гр. Л. Толстой, какъ извѣстно, потерпѣвшій неудачу въ своихъ опытахъ обученія крестьянскихъ дѣтей «завидоваль» успѣхамъ С. А. и не разъ собирался пріѣхать въ Татево. «Мнѣ дорого будетъ видѣть, какъ много серьезнѣе, глубже вы во всей силѣ душевной отнеслись къ тому же самому предмету, къ которому я отнесся такъ первобытно»,—писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ С. А. Рачинскому въ 1878 г.

ваніе ваше и опытность, пріобрѣтенную на государственной службѣ въ Московскомъ университетѣ, посвятили вы, съ раннихъ лѣтъ, дѣлу просвѣщенія посреди населенія, наиболѣе въ немъ нуждающагося. Поселясь безвыѣздно въ отдаленномъ родномъ имѣніи, вы явили для всего благо-роднаго сословія живой примѣръ дѣятельности, соотвѣтствующей госу-дарственному и народному его призванію. Труды ваши по устройству школьнаго обученія и воспитанія крестьянскихъ дѣтей, въ неразвѣльной связи съ церковью и приходомъ, послужили образованію уже нѣсколь-кихъ поколѣній въ духѣ истиннаго просвѣщенія, отвѣчающаго духов-нымъ потребностямъ народа. Школы, вами основанныя и руководимыя, состоя въ числѣ церковно-приходскихъ, стали питомникомъ въ томъ же духѣ воспитанныхъ дѣятелей, училищемъ труда, трезвости и добрыхъ нравовъ и живымъ образцомъ для всѣхъ подобныхъ учреждений.

Близкая сердцу Моему забота о народномъ образованіи, коему вы достойно служите, побуждаетъ Меня изъявить вамъ искреннюю Мою при-знательность

Пребываю къ вамъ благосклонный.

На подлинномъ Собственной Его Императорскаго Величе-ства рукою написано:

«НИКОЛАЙ».

Его радовало не только то, что онъ отмѣченъ Государемъ, а глав-нымъ образомъ то, что дѣятельность его признана плодотворною, а цер-ковныя школы, имъ выстроенныя, значительными.

Не смотря на упадокъ силъ, чувствовавшійся С. А., столь быстрой кончины его никто не ждалъ. До послѣдняго дня своей жизни онъ былъ занятъ заботами о школахъ и собирался въ обычный объѣздъ по своимъ школамъ для производства экзаменовъ, хотя и сознавался, что онъ съ ужасомъ помышляетъ объ этой поѣздкѣ. Утромъ 2 мая 1902 г. въ 69 го-довщину дня своего рожденія, онъ всталъ, какъ обыкновенно рано, а въ 9 час. утра, послѣ кофе прилегъ, какъ это часто дѣлалъ въ послѣднее время, отдохнуть съ газетой въ рукахъ, заснулъ и болѣе не просыпался.

Вѣсть объ его смерти вызвала общую скорбь во всей Россіи среди его многихъ тысячъ почитателей и та любовь, каковую питали къ нему его ученики, съ особой силой проявилась при его погребеніи, а затѣмъ въ день 5 іюля, когда всѣ его осиротѣвшіе воспитанники и школьники по обычаю собрались въ милое для всѣхъ Татевое, и здѣсь на свѣжей могилѣ въ усердныхъ молитвахъ, въ пламенныхъ рѣчахъ и горючихъ сле-захъ, выразили свое неутѣшное горе...

Осиротѣло Татевое... Не стало С. А., около котораго въ прежніе дни тѣснымъ кружкомъ собирались крестьянскія дѣти всѣхъ возрастовъ, къ которому каждый могъ идти безбоязненно со своимъ нуждами, го-рями и радостями, увѣренный заранѣе, что любящее сердце покойнаго

для каждого найдеть искреннее слово сочувствія, одобреніе, нравственную поддержку, а если было бы нужно, то и внѣшнюю помощь. Но «не заросла народная тропа къ его могилѣ». Ежегодно, какъ и при жизни С. А., 5 іюля съѣзжаются въ Татеве ученики его и почитатели и здѣсь совершаютъ торжественную заупокойную литургію и панихиду по дорогомъ учителѣ, и скромная могила его въ этотъ день особенно обильно усыпается цвѣтами, которые такъ любилъ почившій, а звонкіе дѣтскіе голоса школьниковъ Татевской школы, подкрѣпляемые мощными голосами взрослыхъ и пожилыхъ бывшихъ учениковъ его, возглашаютъ ему вѣчную память...

«Не о хлѣбѣ единомъ живѣ будетъ человекъ, но о всякомъ глаголь исходящемъ изъ устъ Божіихъ»,—вотъ слова, которыя Сергѣй Александровичъ, желалъ имѣть на своемъ надгробномъ памятникѣ и эти слова дѣйствительно начертаны на немъ, на тихомъ кладбищѣ, на скромной могилѣ великаго поборника народного просвѣщенія. Пища духовная—Слово Божіе, *глаголь Божій*—вотъ чему прежде всего хотѣлъ научить всѣхъ дѣтей С. А., заставляя своихъ учениковъ большую часть школьнаго времени посвящать на чтеніе глаголовъ Божіихъ, одаривая при окончаніи курса каждого изъ своихъ учениковъ и ученицъ самыми дорогими для каждого православнаго христіанина книгами,—Евангелиемъ, Псалтирью, Часословомъ, напутствуя завѣтомъ—читать, какъ можно, чаще эти книги въ продолженіе всей жизни.

И этотъ завѣтъ С. А. въ связи съ тѣмъ высокимъ свѣтлымъ образомъ, какой онъ оставилъ намъ, въ своей жизни и дѣятельности, будетъ самымъ драгоценнымъ залогомъ будущаго преуспѣянія приходскихъ школъ, когда каждый народный учитель будетъ произносить имя С. А. Рачинскаго съ благоговѣніемъ, а дѣти ученики съ умиленіемъ будутъ слушать рассказы учителя объ этомъ русскомъ школьномъ апостолѣ, преисполненномъ горячей любовью къ крестьянскимъ дѣтямъ, радости которыхъ были его радостями, а дѣтскія горести были особенно близки его нѣжному любящему сердцу...

